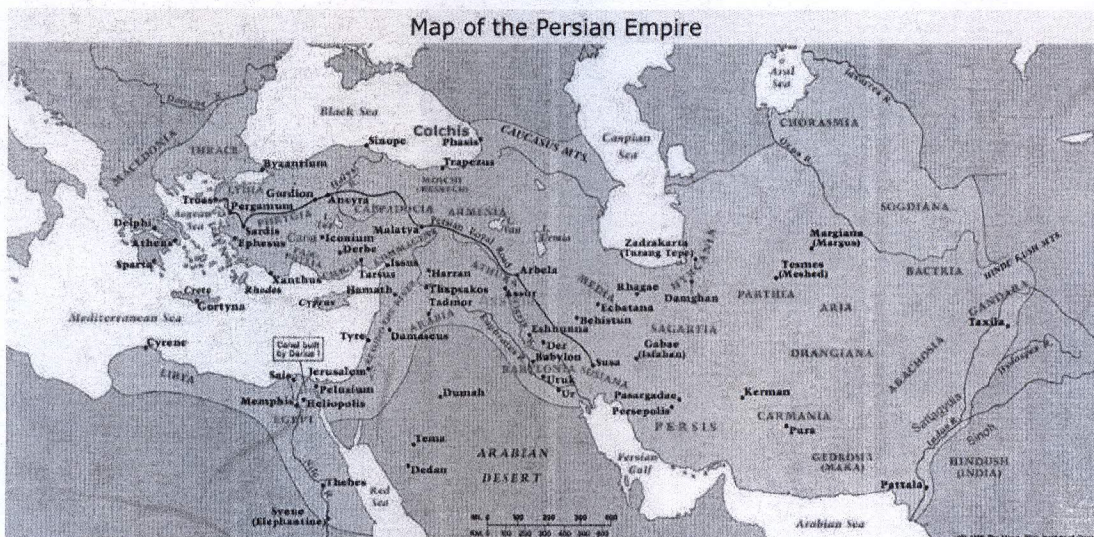

6. Карта древней Колхиды

7. Империя Ахеменидского Ирана

Копытные и хищники долины Шиликты (Чиликстинской): о поисках стилистических и иконографических параллелей (к подведению промежуточных итогов)

С.А. Зинченко

Произведения искусства, найденные в курганах долины Шиликты (Чиликстинской) и давно уже занявшие своё место в истории культуры евразийских степей I тыс. до н.э., до сих пор оказываются в центре внимания специалистов, выступая с точки зрения построения схем генезиса и эволюции скифского звериного стиля в качестве опорных¹. Это происходит вследствие как продолжающихся

¹ Так, по мнению исследователей, среди памятников, ставших опорными для восточных районов Евразийского пояса принято выделять Шиликты Жалаулы, Аржан-1,2, Тагискен, Уйгарак и Талды-2 (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011а, с. 32).

исследований археологических памятников долины Шиликты, так и близлежащих территорий. Анализ новых находок вновь заставляет пересматривать старые схемы с, казалось бы, устоявшимися стилистическими аналогиями и пространственно-временными связями между предметами искусства. Основная задача статьи состоит в подведении промежуточных итогов в исследовании стилистических и иконографических параллелей памятникам Шиликты на базе анализа образов копытных и хищников. Подобный выбор объектов исследования объясняется тем, что и копытные, и хищники входят в состав наиболее популярных образов, получивших достаточно широкое распространение по всему ареалу евразийских степей в I тыс. до н.э.¹ Образы, представленные в могильнике Шиликты с одной стороны, относятся к вполне определенным иконографическим и стилистическим группам, с другой в рамках каждого комплекса (кургана) в пространстве могильника Шиликты обладают своим набором отличительных качеств. Подведение промежуточных итогов, связанных с изучением изобразительных памятников долины Шиликты необходимо с точки зрения 1) уточнения датировок этих памятников²; 2) попытки выделения последовательных этапов в процессах зарождения и/или усвоения тех или иных образов и мотивов в художественной культуре евразийских степей в I тыс. до н.э.; 3) попытки дифференцировать разные «стадии», фазы в вышеупомянутых процессах усвоения того или иного типа изображений в определённых временных и территориальных рамках.

Немного о знакомом: об истории изучения изобразительных памятников долины Шиликты. Приведённый ниже материал ни в коем случае не охватывает всей полноты изложения вопроса. Краткое упоминание истории изучения изобразительных памятников Шиликты необходимо для очерчивания «характера» проблем, связанных с датировками и анализом художественных особенностей предметов. Методические исследования памятников на территории долины Шиликты (Чиликтинской) начались только в середине – второй половине XX века. Начало этим исследованиям было положено в 1949 году, когда была проведена разведка под руководством ВК экспедиции ЛО ИА СССР (руководитель С. С. Черников) при участии Центрального музея Казахстана и Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (Черников, 1949; 1951; 1962). В результате этих исследований был раскопан курган № 7 (Черников, 1951)³. В 1960 году ВК экспедиция ЛО ИА СССР под руководством С. С. Черникова раскопала в Чиликтинской долине курганы №№ 5⁴, 3, 4 (Черников, 1960; 1962; 1964; 1972). В 1971 – 1972 гг. С. С. Черников возобновил исследования Чиликтинского могильника – в 1971 году были продолжены раскопки кургана № 35 (Черников, 1972); в 1972 году были исследованы курганы 2-а, 10, 35 (Черников, 1972). Дальнейшие исследования памятников долины Шиликты были продолжены в 2003 году археологической экспедицией Каз НУ им. Аль-Фараби под руководством А. Т. Толеубаева. Был исследован курган 1 могильника Шиликты 2 (Байгетобе)⁵ (Культура ранних кочевников..., 2009, с. 323; Толеубаев, 2011). Эти раскопки дали наиболее репрезентативный материал и по количеству, и по качеству найденных предметов. В результате за более чем 60-летнюю историю изучения было накоплено много разнородных по своим стилистическим решениям и применённым иконографическим схемам⁶ находок.

Курган 5. При раскопках кургана обнаружено 535 золотых изделий⁷. Образы копытных представлены 14 золотыми бляшками в виде оленя (ныне хранятся в собрании Гос. Эрмитажа, СПб),

¹Так, например, анализируя образы Сарыарки, исследователи отмечают численное преобладание в зооморфных изображениях данной территории кошачьего хищника и различных видов копытных (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011, с. 262).

²В связи с вышеприведённым тезисом, вспоминаются высказывания о датировке другого реперного памятника – Аржан-1: «... за частным вопросом о датировке ... стоит значительно более общая проблема: вся временная и пространственная направленность формирования культур «скифского типа» (Шер, 2002, с. 79).

³Здесь и далее в тексте при описании курганов, раскопанных С. С. Черниковым используется его нумерация памятников, входящих в состав могильника Шиликты.

⁴При использовании прежнего названия памятника (Чиликтинский курган № 5, № 7 и т.д.) в работах, которые анализируются в тексте статьи, эти названия сохранены.

⁵Здесь и далее в тексте при описании курганов, раскопанных А. Т. Толеубаевым используется его нумерация памятников, входящих в состав могильника Шиликты (Культура ранних кочевников..., 2009, с. 323-334).

⁶Здесь важно привести мнение о том, что в скифском зверином стиле мало обосновано применение термина «иконография». По мнению Е. Ф. Корольковой, можно говорить о правомерности использования термина «иконографическая схема» (Королькова 2006, 166).

⁷По поводу количества найденных вещей наблюдаются определённые разночтения. Приведённая выше цифра даётся на основании отчёта о работах ВК АЭ за 1960 г. (Черников, 1960). Также С. С. Черников приводит и другие данные – 524 золотых изделия (Черников, 1965, с. 42-43), 531 изделие (Черников, 1960а) и свыше 400 (Черников, 1962, с. 49).

выполненных в технике басмы¹ (Черников, 1960; 1960а, с. 22; 1965, с. 28-42; Древнее золото Казахстана, 1983, таб. 52-53). Олени изображены строго в профиль с подогнутыми ногами.

Также были найдены 29 бляшек в виде хищника породы кошачьих («пантеры»²), свернувшегося в кольцо (ныне хранятся в собрании Гос. Эрмитажа, СПб) (Черников, 1965, таб. XIV; Древнее золото Казахстана, 1983, таб. 58-59). Бляшки представлены несколькими размерами: большие (2 шт.) и маленькие (27 шт.)³.

Датировка кургана 5 до сих пор чётко не определена. Так, в первых публикациях материалов по данному комплексу, С. С. Черников замечает, что «курган № 5 можно уверенно датировать началом VI в. до н.э.» (Черников, 1962, с. 49-50) или первой половиной VI в. до н.э. (Черников, 1960). В поздних работах С. С. Черников датирует курган 5 либо VIII-VII вв. до н.э. (Черников, 1972а, с. 130), либо временем не позднее VIII в. до н.э. (Черников, 1972б, с.35). И. Н. Медведская, на базе анализа наконечников стрел, обнаруженных в кургане 5 (двухлопастные, втульчатые) (Медведская, 1972, с. 79, таб.1), выдвигает предположение о том, что подобные наконечники существуют в пространстве конца эпохи бронзы – VIII до н.э.⁴ (Медведская, 1972, с.89). Г. Коссак высказал мнение о том, что Чиликтинский курган № 5 может датироваться не позднее VIII в. до н.э. (Kossack, 1987; см. также Медведская, 1992). Л. С. Марсадолов относит весь Чиликтинский комплекс к временному диапазону от VIII до VII вв. до н.э., считая возможной датой сооружения кургана № 5 вторую половину VIII – начало VII вв. до н.э. (Марсадолов, 2000, с. 22)⁵. К. В. Чугунов, анализируя находки из Аржан-1, 2 и кургана № 5, выдвинул предположение о том, что восточно-казахстанский памятник занимает срединное положение между комплексами Аржан-1 (рубеж IX-VIII вв. до н.э.) и Аржан-2 (середина-вторая половина VII в. до н.э.) (Чугунов, 2006, с. 70)⁶. А. З. Бейсенов предлагает датировать памятник VIII – VII вв. до н.э. (Бейсенов, 2011, с. 19). Иногда при описании кургана 5, исследователи используют широкие хронологические рамки: VIII-VI вв. до н.э. (Культура ранних кочевников Казахстана..., 2009, с. 323).

Курган 7. В кургане была обнаружена одна золотая бляшка в виде копытного с рогами и хвостом, возможно трактованными в виде головок хищной птицы, ныне хранящаяся в собрании Центрального Государственного музея, Республики Казахстан (Алматы) (Культура ранних кочевников..., 2009, с. 324)⁷.

Датировка этой золотой бляшки в виде копытного до сих пор чётко не определена. В отчёте о работе ВК археологической экспедиции С. С. Черников датирует бляшку IV-III вв. до н.э., мотивируя данную дату присущими предмету стилизацией и геральдичностью (Черников, 1949, с. 26)⁸. Впоследствии С. С. Черников отмечал, что «весь комплекс найденных предметов можно датировать V – IV вв. до н.э.» (Черников, 1951, с. 145). Позднее он ограничивает во времени появление данного образа: «... аналогии позволяют датировать курган 7 в пределах второй половины V в. до н.э.» (Черников, 1965, с. 55). И, наконец, в своём итоговом труде «Ранние кочевники Восточного Казахстана» С. С. Черников устанавливает для данного изображения следующую дату IV в. до н.э. (Черников, 1972а, с. 26)⁹. С верхней границей, предложенной С. С. Черниковым датировки, не был согласен М. И. Артамонов, считавший, что «судя по аналогиям, Чиликтинские курганы относятся к VI в. до н.э., второй (7-й) во второй половине этого столетия» (Артамонов, 1973, с.36). Ещё одна

¹ О технике исполнения данных изделий см. Минасян, 1988, с. 56.

² Так эти изображения определил С. С. Черников (Черников, 1965, с. 34).

³ Большая «пантера» и 14 маленьких повернуты головой вправо; другая большая «пантера» и тринадцать маленьких – головой влево.

⁴ Согласно замечанию, высказанному И. Н. Медведской, «... втульчатые наконечники стрел с жилкой к началу VII до н.э. начинают заменяться наконечниками с утяжеленной головкой» (Медведская, 1971, с. 89).

⁵ При этом Л. С. Марсадолов оговаривает возможность чуть более поздней даты сооружения кургана.

⁶ К. В. Чугунов детально анализируя комплексы наконечников, происходящих с территории Казахстана и Саяно-Алтая считает возможным ограничить дату сооружения кургана 5 VIII в. до н.э. (Чугунов, 2011а, с. 72).

⁷ К сожалению, плохая сохранность предмета не позволяет достаточно чётко составить описание. С. С. Черников с самого начала изучения этого предмета трактует его как изображение оленя (Черников, 1949; 1951, с. 145). М. И. Артамонов описывает данную бляшку как «изображение лежащего с поджатыми ногами животного, оленя или козла» (Артамонов, 1973, с. 36).

⁸ Именно эти качества (стилизация и геральдичность) по мнению С. С. Черникова не позволяют датировать предмет V в. до н.э. (Черников, 1949, с. 26).

⁹ Эти выводы С. С. Черников выстраивает на базе утверждения о том, что «траковка рогов в виде головок хищных птиц, встреченных в кургане 7 Чиликтинского могильника, относится к IV в. до н.э.» (Черников, 1972а, с. 26). При этом, в этой же работе он определяет и более общие хронологические рамки, говоря о том, что «более поздние (курганы сакской группы в Восточном Казахстане – С.3.) Усть-Буконь, Чиликты курган 7, Эйган-Булак VI-IV вв. до н.э.» (Черников, 1972а, с. 130).

датировка была предложена сотрудниками Центрального Государственного музея Республики Казахстан VI–V вв. до н.э. (Культура ранних кочевников..., 2009, с 323).

Курган 1 Шиликты 2 (Байгетобе). В ходе раскопок было обнаружено более 3000 экземпляров золотых изделий, ныне хранящихся в собрании Центрального Государственного музея Республики Казахстан (Алматы) (Культура ранних кочевников..., 2009, с 323; Толеубаев, 2004; Толеубаев, 2011).

Копытные представлены достаточно полно и по количеству изображений, и по презентации разнообразных иконографических типов. Это и золотые литые бляшки в виде архара в так называемой позе стояния «на цыпочках» с инкрустированными глазом, ухом, ноздрями и копытами. А также литые золотые бляшки с геральдической композицией в виде двух голов горных козлов с семью годовыми кольцами на рогах и птицей по середине в количестве 100 шт., разделяемые на две группы по размерам¹ (Культура ранних кочевников..., 2009, с 327) и бляшки с геральдической композицией в виде двух голов горных козлов с восемью годовыми кольцами на рогах и птицей по середине в количестве 52 шт., тоже разделяемые на две группы по размерам² (Культура ранних кочевников..., 2009, с 327). К группе копытных относятся золотые литые бляшки с геральдической композицией в виде совмещённых голов оленей в количестве 20 шт. (Культура ранних кочевников..., 2009, с 330)³. Хищники в кургане 1 Шиликты 2 золотыми литыми бляшками в виде медведя (?)⁴ в количестве 39 шт. (Культура ранних кочевников..., 2009, с 329).

Исследователи памятника датируют его в достаточно широких временных рамках VIII–VI вв. до н.э. (Культура ранних кочевников..., 2009, с 323; 326-335). А. З. Бейсенов предлагает более узкие рамки в датировке памятника, располагая его между курганом № 5 (по датировке А. З. Бейсенова VIII – VII вв. до н.э.) и Тагискеном (VII в. до н.э.) (Бейсенов, 2011, с. 19). К. В. Чугунов на базе анализа изобразительного материала датирует курган первой половиной VII в. до н.э. (Чугунов, 2011а, с. 74).

Поиски иконографических и стилистических параллелей: история исследований. На сегодняшний день, принимая во внимание известные исследователям материалы раскопок памятников долины Шиликты, следует отметить следующее: за период существования могильника сформировался крайне разнородный набор предметов как по иконографическим схемам, так по стилистическим решениям. Отмеченная выше разнородность присуща и предметам искусства из отдельного кургана, и комплексу в целом. Группы копытных и хищников как одних их самых популярных в пространстве искусства евразийских степей в I тыс. до н.э. прекрасно это иллюстрируют.

Подобная разнородность, безусловно, свидетельствует о своеобразном механизме формирования этого искусства, изначально ориентированном на смешанный, «полифоничный» характер художественной культуры, – культуры постоянно открытой и принципиально ориентированной на неизменное включение извне новых как иконографических схем, так и стилистических решений. Для самых первых этапов развития скифского звериного стиля будет характерно изначальное смешение различных стилистических и иконографических приёмов и отсутствие чёткой взаимозависимости того или иного художественного решения не только от географии, но и от времени бытования образа. Но всё же попытки выявить как иконографические, так и стилистические параллели памятникам Шиликты необходимы как для реконструкции схем культурных контактов, так и с точки зрения обоснования появления того или иного образа, тех или иных приёмов исполнения в определённой художественной культуре и/или обоснования их «долгожительства».

Уже с первой полной публикации материалов кургана 5 (Черников, 1965), для обнаруженных в нём изображений копытных (оленя) и хищника породы кошачьих, свернувшегося в кольцо были подобраны аналогии, необходимые для определения места данных предметов в пространстве скифского мира. Иконографические и стилистические параллели подбирались с учётом известных на

¹ 1 группа – длина – 2,46 см, ширина – 1, 63 см, высота – 0, 21 см; 2 группа – длина – 2,35 см, ширина – 1, 6 см, высота – 0, 19 см (Культура ранних кочевников..., 2009, с 327). К этой серии изображений горных козлов с семью годовыми кольцами следует отнести и бляшку с размерами (2,48x1,56x0,2) (Культура ранних кочевников..., 2009, с 328).

² 1 группа – длина – 2,47 см, ширина – 1, 68 см, высота – 0, 18 см; 2 группа – длина – 2,44 см, ширина – 1, 64 см, высота – 0, 2 см (Культура ранних кочевников..., 2009, с 327).

³ Эта серия изображений также делится на группы по размерам: 1 группа – длина – 2,61 см, ширина – 2, 43 см, высота – 0, 25 см; 2 группа – длина – 2,58 см, ширина – 2,48 см, высота – 0, 18 см (Культура ранних кочевников..., 2009, с 330). К этой серии изображений следует отнести и бляшку с размерами (2,58x 2.51 x 0,2) (Культура ранних кочевников..., 2009, с 332).

⁴ Согласно описанию бляшек, представленному в каталоге: бляшки в виде медведя (мотив скифской пантеры) (Культура ранних кочевников..., 2009, с 329). Животное изображено в так называемой позе скребущегося хищника (или позе внезапной остановки).

тот момент памятников. Реестр аналогий включал в себя образы подчас внешне близкие по иконографическим решениям, но достаточно далёкие по используемым стилистическим решениям. Так, например, в качестве ближайших аналогий были рассмотрены бронзовые тагарские бляшки (см. подробнее Черников, 1965, с. 51)¹. Но, как показали более поздние открытия, итогом сравнения тагарских и шиликтинских предметов может вывод только об их отдалённом сходстве, крайне косвенном цитировании (см. подробнее Зинченко, 2005). При работе с аналогиями, подобранными в результате исследования конкретного изобразительного памятника, важно понимать и учитывать их «степень родства» друг другу. Для того чтобы механически не расширять пространственные и временные границы существования подобных иконографических и стилистических решений, наверное, необходимо придерживаться следующих правил при отборе аналогий: 1) перечислить важные отличительные признаки для иконографической схемы в рамках данного мотива или образа в целом; 2) определить несовпадающие и/или совпадающие стилистические признаки между разными объектами (памятниками); 3) выделить на базе анализа совпадающих признаков те признаки, которые относятся к инвариантным и вариативным². Попытка применить вышеназванные правила была сделана при работе с аналогиями для чиликтинской «пантеры» (см. подробнее Зинченко, 2006).

Появление нового материала в результате продуктивных раскопок в конце XX – начале XXI века на территориях Восточного, Центрального Казахстана и Тувы позволило существенно расширить реестр аналогий действительно близких по иконографическим и стилистическим решениям. Так, благодаря находке в 1988 г. Жалаулинского клада, возникла группа памятников (Шиликты 5 – Жалаулинский клад), в пространстве которых появилась возможность говорить о применении достаточно близких стилистических приёмов (Культура ранних кочевников..., 2009, с. 302).

Открытие кургана № 1 в комплексе Шиликты 2 с одной стороны дало много новых находок близких с точки зрения применения иконографических и стилистических решений, а с другой – эти находки продемонстрировали недостающее звено, связующее находки из курганов долины Шиликты с другими регионами. Близкие, практически на уровне прямых цитат стилистических решений, аналогии были отмечены для золотых бляшек в виде парных фигур оленей из Жалаулинского клада и кургана 1 Шиликты 2, также как и применение в этих образцах иконографической схемы, состоящей из парящей птицы и парных фигурок копытных.

Исследования последних лет на территории Центрального Казахстана таких памятников как Талды-2, Байке-2 (Бейсенов, 2011; 2015) поставили вопрос о теснейших этнокультурных связях между Центральным Казахстаном, Восточным Казахстаном, Жетысу, всего Саяно-Алтая, Восточного Приаралья, Южного Урала (Бейсенов, 2011, с. 18-19; 2013, с. 17; 2014, с. 121; 2015, с. 26; см. также Бейсенов, 2016; Бейсенов, Базарбаева, 2013, с. 17). Набор образов, происходящих из Центрального Казахстана достаточно схож с тем, что представлено в Чиликтинском могильнике, – это различные виды копытных и хищники, среди которых преобладает кошачий (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011, с. 262, таб.1; Бейсенов, Базарбаева, 2013, с. 14). Важно отметить, что наблюдается совпадение не только в репертуаре используемых образов, но и в применении чрезвычайно близких друг другу иконографических схем и стилистических решений. Ближайшее иконографическое и стилистическое сходство между бляшками с геральдической композицией в виде двух голов горных козлов с годовыми кольцами на рогах и птицей по середине, происходящими из кургана 1 Шиликты 2 и кургана 2 Талды-2 неоднократно отмечалось исследователями (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011, с. 268; Бейсенов, 2013, с. 16, *рис. 3*; Бейсенов, Базарбаева, 2013, *рис.1, б*; Бейсенов, Базарбаева, 2014, с. 597).

К. В. Чугунов, детально анализируя комплекс изобразительных памятников, происходящих из кургана Аржан-2 и выделяя несколько групп по стилистическим решениям, с одной стороны отмечает определённую уникальность аржанских образов, с другой – высказывает мнение о том, что изделия выделенной им первой группы имеют больше всего стилистических соответствий с памятниками, связанными с территориями Казахстана и Центральной Азии (Чугунов, 2004, с. 275; 2011, с. 52). Последующее изучение изобразительных памятников с территории Центрального Казахстана подтвердили эти предположения (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011а, с. 34). К.В.

¹ На близость чиликтинским оленям тагарских бронз указывала и Н. Л. Членова (Членова, 1962).

² Под инвариантными понимаются «... те элементы изображений, которые при преобразовании других элементов остаются неизменными и устойчиво повторяются на разных по содержанию изображениях...» (Шер 1980, 41)

Чугуновым также был предпринят сравнительный анализ иконографических схем применяемых как в пространстве предметов Чиликтинского могильника, так и в пространстве памятников Центрального Казахстана (Талды-2) (Чугунов, 2011а, с. 73-74). На базе этого анализа, исследователь выдвинул важный тезис о том, что наличие достаточно идентичных иконографических схем (а также их исчезновение в других памятниках одного могильника) может служить основанием для обоснования датировки кургана (Чугунов, 2011а, с. 73-74).

Подводя итоги... В качестве важнейшего результата проведённых исследований стоит отметить то, что детальное изучение иконографических и стилистических параллелей чиликтинским образам позволило приступить к реконструкции схем культурных контактов в VIII-VII вв. до н.э. между Центральным Казахстаном, Восточным Казахстаном и Саяно-Алтаем (Чугунов, 2006; 2011), определив основные векторы решения этой научной проблемы. Так, по мнению А. З. Бейсенова, «...в будущем важно не бесконечное тиражирование высказанных многими специалистами мнений о наличии этих контактов (между Центральным Казахстаном, Восточным Казахстаном, Саяно-Алтаем, Южным Уралом – С.З.), а по мере возможности конкретизация их» (Бейсенов, 2015, с.26).

Более детальное изучение иконографических и стилистических параллелей позволит чётче очертить круг близких контактов и их временную последовательность; даст, пусть и туманную, надежду на возможность определения локализации мастерской или художественного центра, связанного с генезисом и дальнейшим тиражированием этого искусства с ярко выраженным «характером»¹. Пути дальнейших исследований могут лежать как в пространстве анализа отдельных элементов декора², так и пространстве анализа «бытования» иконографических схем.

Список литературы

1. Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. - М.: «Искусство», 1973. – 280 с.
2. Бейсенов А. З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан – Караганды, 2011. – с. 14-20.
3. Бейсенов А. З. Серьги сакской эпохи культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 6 (32). – с. 121-128.
4. Бейсенов А. З. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестник КемГУ – 2013 – № 3 (55) – Т.4. – с. 13-17.
5. Бейсенов А. З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль – 2015 – Том 7 – № 6 – часть 2. – с. 22-31.
6. Бейсенов А. З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 1 (39). – с. 119-126.
7. Бейсенов А. З., Базарбаева Г. А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013 – т. 13 – № 2. – с. 13-18.
8. Бейсенов А. З., Базарбаева Г. А. Орнамент в культуре саков Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук – 2014 – т. 16 – № 3 (2). – с. 597-604.
9. Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Мир образов в искусстве населения Сарыарки (по материалам памятников 1 тыс. до н.э.) // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию института археологии им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 2011. – С. 261-271.

¹ Вопрос об этом был уже поставлен исследователями. (Бейсенов, Базарбаева, 2014, с. 598).

² Исследования в области анализа отдельных элементов декора на базе памятников, происходящих с рассматриваемой территории, представлены в работах Н. Ю. Смирнова (орнаментальный мотив «плетеный узел»: Смирнов, 2004), К.В. Чугунова и А.З. Бейсенова (орнаментальный мотив «сложный завиток»: Чугунов, 2011, с. 52-54; Бейсенов, 2013. с. 15; см. также Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011а)

10. Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. К вопросу о сложении раннесакского звериного стиля (по материалам курганов Талды-2) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан – Караганды, 2011а. – с. 32-35.
11. Древнее золото Казахстана. Акишев К. А., Акишев А. К. (сост.) – Алма-Ата: «Өнер», 1983. – 264 с.
12. Зинченко С.А. К вопросу о формах заимствования восточноказахстанских образов в искусстве тагарской культуры// Сборник докладов международной научной конференции «Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия», посвященной 100-летию рождения С.В. Киселёва. – Красноярск: изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – с. 162-163.
13. Зинченко С. А. Иконография хищника породы кошачьих, свернувшегося в кольцо: варианты и модификации (на примере памятников Восточного Казахстана)// Сборник Всероссийской археологической конференции «Современные проблемы археологии России», – Новосибирск: изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. – Т.2. – с. 297-299.
14. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006. – 272 с.
15. Культура ранних кочевников Казахстана. Научный каталог. – Алматы: Центральный Государственный музей Республики Казахстан, 2009. – 430 с.
16. Марсадалов Л. С. Археологические памятники IX – III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора культурологии. – СПб., 2000.
17. Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА – 1972 – № 3. – с. 76-89.
18. Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // СА – 1992 – № 3. – с. 86-107.
19. Минасян Р. С. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля // АСГЭ – 1989. – Вып. 29. – с. 48-58.
20. Самашев З.С., Толеубаев А. Т., Джумабекова Г. С. Сокровища степных вождей. – Алматы: ОФ "Берел", 2004. – 176 с.
21. Смирнов Н.Ю. «Плетённый узел» раннескифской культуры (орнаментальный мотив в контексте культурогенеза) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 1-4 декабря 2004 г.). – СПб: СПбГУ, 2004. С. 290-294.
22. Толеубаев А.Т. Характеристика золотых изделий из второго Чиликтинского могильника // Историческая роль Алек-сандра Гумбольдта и его экспедиций в развитии мировой, региональной и национальной науки: Мат-лы II междунар. конф. Humboldt-Kolleg, организованной Клубом А. Гумбольдта в Казахстане. – Алматы, 2004. – С. 161-164.
23. Толеубаев А. Т. Итоги исследования памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетгыуского Алатау // Свидетели тысячелетий: археологическая наука в Казахстане за 20 лет (1991-2011). – Алматы, 2011. – с. 156-174.
24. Черников С. С. Отчёт о работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1949. // Архив ИИМК, ф. 35, 1949, д. 125.
25. Черников С.С. Восточноказахстанская экспедиция // КСИИМК – 1951. – Вып. 37. – С. 144-150.
26. Черников С. С. Отчёт о работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции. Рукопись, - 1960 // Фонд ВКОМ КПо 16 - 6467.
27. Черников С. С. Полевой дневник № 1 Восточно-Казахстанской археологической экспедиции за 1960 г. // Архив ИИМК, ф. 35, 1960а, д. 42.
28. Черников С. С. К вопросу о связях Приуралья с Алтаем в VI-IV вв. до н.э. // III Уральское археологическое совещание в г. Уфе (февраль 1962). Тезисы докладов. – Уфа, 1962. – С. 48-51.
29. Черников С. С. Золотой курган Чиликтинской долины // КСИА – 1964. – Вып. 98. – С. 29-32.
30. Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: «Наука», 1965. - 190 с.
31. Черников С.С. Раскопки Большого кургана в Чиликтинской долине // Тезисы докладов на секциях, посвященных полевым исследованиям. - М.: 1972. – С. 423.

32. Черников С. С. Ранние кочевники Восточного Казахстана. Рукопись. 1972а // Архив ИИМК, ф. 81, д. 24.
33. Черников С. С. К вопросу о датировке предметов «звериного стиля» в Восточном Казахстане // Труды III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. – М.: Изд-во Института археологии, 1972. – с. 132-137.
34. Членова Н.Л. Скифский олень // МИА – 1962 – вып. 115. – с. 167-203.
35. Чугунов К.В. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 1-4 декабря 2004 г.). – СПб: СПбГУ, 2004. С. 273-275.
36. Чугунов К. В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Сборник Всероссийской археологической конференции «Современные проблемы археологии России», – Новосибирск: изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. – Т.2. – с. 69-71.
37. Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. // Европейская Сарматия. – СПб: Нестор-История, 2011. С. 39-60.
38. Чугунов К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тувы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии.
39. Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011а. – с. 69-77.
40. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
41. Шер Я. А. М. П. Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников // Степи Евразии в древности. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. – Книга I – с. 78-82.
42. Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil // Galanina L., Grač N., Kellner H.-J., Kossack G. Skythika. München, 1987. – p. 24-86.

Новые находки предметов вооружения сакского времени из могильника Орнек (Семиречье)

Т.Ж. Тулегенов, С.С. Иванов

Предметы вооружения – сравнительно редкая категория предметов, находимая в погребениях сакской культуры Притяньшанья (Семиречья и Тянь-Шаня), поэтому каждая новая их находка существенно расширяет наши знания о военном деле древнего кочевого населения региона.

В этом отношении интересны результаты, полученные при изучении курганного могильника Орнек, расположенного на северо-западной окраине одноименного села, (Енбекшиказахский район Аламинской области) на обширной заболоченной низменности. Курганы могильника располагаются меридиональными цепочками, по 5-7 в каждой. Размеры курганных насыпей достаточно внушительные: высотой 1-2 м. и диаметром 20-45 м., что позволяет отнести их в целом к категории средних курганов.

В 2015г. экспедицией Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» под руководством Т.Ж. Тулегенова было исследовано несколько курганов в двух цепочках могильника Орнек, в трех из них были найдены предметы вооружения (чекан, наконечники стрел), публикации которых посвящена настоящая статья.

Железный чекан со втоком был найден в погребении кургана 5 второй цепочки могильника Орнек.

Он достаточно плохой сохранности, но, несмотря на это, возможно установить основные его типологические характеристики. Чекан имеет не закрытую, удлиненную в нижней части втулку, что позволяет его отнести к группе проушных. Боек по большей части не сохранился, хотя по его остаткам можно сказать, что он был достаточно массивным, округлым в сечении. Судить о том, был ли он прямым или же был изогнут, нет возможности из-за слабой сохранности этой части предмета. Не менее массивный обух расширялся от основания и имел, по-видимому, молотовидную уплощенную ударную поверхность (фото 1).

Вток чекана имеет подовальную форму, в нижней части он уплощен, отчего в профиль приобретает приостренную форму. Паз предмета овальный, по его краю прослеживается узкий венчик (фото 2).